

КОНЦЕПТ СОБИРАНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ XV–XVI ВВ.

Аннотация: Статья посвящена изучению концепции собирания русской земли в том виде, в котором она представлена в русской книжности XV–XVI вв. Рассматривается исторический контекст формирования данной идеологии, а также динамика ее развития. Автор отмечает, что сама формулировка «собирание русской земли» как обозначение некоего процесса в русской публицистике не встречается. Однако в XV в. в «Слове о житии Дмитрия Ивановича» появляется характеристика князя Ивана Калиты как «собирателя Руской земли». Автор полагает, что подобная оценка деятельности этого правителя связана прежде всего с тем, что, согласно представлениям, сложившимся в кругах русских интеллектуалов-книжников, в годы его княжения на Руси установился мир, прекратились междоусобные войны и столкновения с Ордой. Таким образом, Ивану Даниловичу удалось прекратить череду межкняжеских столкновений. Русская земля вновь обрела единство, утраченное еще в XII в. Уже в XVI в. в Степенной книге царского родословия применительно уже к Ивану III появляется формулировка «собиратель Богом дарованного Отечества». Несмотря на сходное звучание, формулы «Слова о житии Дмитрия Ивановича» и Степенной книги, по мнению автора, существенно отличаются. В первом случае речь идет о умиротворении Руси, а во втором – о территориальном расширении Московского княжества путем присоединения новых земель. В статье отмечается связь идеи «собирания Русской земли» с идеей защиты православия от иноверцев. Завершая свои рассуждения, автор пишет, что московским книжникам удалось создать целостную концепцию

объединения Руси и дать ее историческое и идеологическое обоснование.

Ключевые слова: объединение Руси, удельный период, древнерусская книжность, летописи, Великое Княжество Московское, идеология

В основе политической доктрины Великого Княжества Московского лежали три основных идеологии, перекликавшиеся в смысловом отношении и тесно связанные между собой. Согласно первой правители Руси рассматривали вверенную им державу как преемницу Византии в сфере защиты истинной христианской (православной) веры. Наиболее точно и полно ее содержание отразилось в формулировке «Москва – Третий Рим», предложенной старцем Псковского Елизарьевского монастыря Филофеем¹. Вторая идеология базировалась на утверждении о родстве династии Рюриковичей с римскими императорами. Согласно легенде, впервые изложенной в Послании киевского митрополита Спиридона-Саввы и получившей широчайшее распространение в русской публицистике и исторической книжности XVI в., предком Рюрика являлся некий Прус, приходившийся сродником Октавиану-Августу². Наконец,

¹Обзор историографии, посвященной идеологии «Москва – Третий Рим» см.: *Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 7–57. Следует также отметить следующие статьи: *Соболева Н.А.* Имперская идея и российская символика власти (XI–XVI вв.) // *Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории.* М., 2011. С. 560–579; *Усачев А.С.* «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // *Общественные науки и современность.* № 1. 2012. С. 69–87.

²Публикацию комплекса этих текстов см.: *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.–Л., 1955.

третий идеологический постулат провозглашал право московских князей на обладание землями, входившими некогда в состав державы Владимира Святославича. В рамках данной идеологемы формируется образ московских князей как «собирателей русских земель». Из всех трех вышеперечисленных концептов последний является наиболее ранним. Он сложился на рубеже XIV–XV вв. Представления о преемственности Руси по отношению к Византии и о родстве Рюриковичей с римскими императорами возникли столетием позже. Кроме того, «собирание русских земель» было тесно связано с реальной политикой, проводимой московскими князьями. При этом идея о московских князьях как объединителях Руси остается наименее изученной. В настоящей статье мы попытаемся восполнить данную лауну.

Разумеется, было бы не корректно утверждать, что в научной литературе процесс объединения русских земель не изучался вовсе. Однако основное внимание в историографии уделялось не идеологическим аспектам «собирания», а самим «примыслам», т.е. территориальным приращениям тех или иных удельных княжеств. Долгие годы внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на расширении Московского удела³. Рассматривались также приращения Великого Княжества Литовского⁴. С одной стороны, столь пристальное внимание именно к этим двум государственным образованиям представляется вполне закономерным, поскольку именно Москва (на востоке) и Литва (на западе) стали двумя основными центрами объединения Руси. С другой, – подобный подход ведет к некоторому

упрощению представлений о проблеме. Не только Московское и Литовское княжества осуществляли территориальную экспансию в отношении своих ближайших соседей. Другие князья также стремились расширить территории своих уделов, хотя и были в этом отношении не столь успешны. К «примыслам» прочих удельных князей исследователи стали обращаться лишь в последние годы⁵. Не столь активно рассматривались вопросы, связанные с оформлением Московского Великого княжества как централизованного государства. Долгое время единственной работой, в которой затрагивалась данная проблематика, оставался труд А.Е. Преснякова «Образование Велико-русского государства». По мнению исследователя, московские князья собирали не землю, а власть. Постепенно возводя здание своего государства, они становились «государями над всеми государями Русской земли»: «Это меткое выражение книжника-современника означает тенденцию признавать верховную волю государя великого князя господствующей над всеми иными правами властвования и управления, какие сложились в жизни Велико-россии в удельно-вотчинном периоде, свести их к значению подчиненному и проводимому от великокняжеской воли»⁶. Таким образом, «образование Велико-русского государства» в понимании А.Е. Преснякова – это не процесс количественного наращивания территорий вокруг Москвы, а переход власти московских правителей в новое качество – от простых вотчинников до самодержавных правителей, располагавших высшим суверенитетом в русских землях. Идеи А.Е. Преснякова получили развитие в работе М.М. Крома «Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков». Возникновение русского государства с центром в Москве

³Пресняков А.Е. Образование Велико-русского государства. Пг., 1918; Любавский М.К. Формирование основной государственной территории великорусской народности. Заселение центра. Л., 1929; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси X–XIV вв. М., 1984.

⁴Грушевський М.С. Історія України–Руси. Т. 2, 3. Київ, 1905; Шабельдо Ф.М. Землі Юго-Западної Русі в складі Великого князівства Литовського. Київ, 1987; Русина О. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998.

⁵Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010.

⁶Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. С. 449.

исследователь рассматривает как один из вариантов становления модели «модерного государства», присущей всем европейским странам. В данном контексте концепт «собиратель русских земель» рассматривается М.М. Кромом исключительно как устаревшая идеологема. Она оказала свое влияние на историографию XIX в., однако на современном этапе развития исторического знания от нее следует отказаться. При этом исследователь в общих чертах рассматривает историю ее формирования. Он отмечает, что эпитет «собиратель русских земель» впервые был применен к Ивану Калите в памятнике, известном как «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича». Впоследствии данный образ пришелся по вкусу книжникам XVI в. При составлении «Степенной книги царского родословия» они не только включили в текст данную характеристику Ивана Калиты, но и дополнили ей панегирик великому князю Ивану III, назвав его «достохвальным супостатов победителем и собирателем Богом дарованного ему отечества»⁷.

Таким образом, в историографии концепт «собирания Русской земли» рассматривался исключительно в контексте реальной политики, направленной на расширение территорий Московского княжества. Некоторые исследователи считали само появление данной формулировки ошибкой древнерусского книжника, возникшей в результате непонимания тех процессов, которые происходили в административной жизни страны в XV в. Однако попыток рассмотреть данную формулу в контексте идеологии зарождающейся государственности, понять, каким образом она соотносится с другими идеологемами XV–XVI вв. и какую эволюцию проделала за полтора столетия своего существования в научной литературе не предпринималось. Ответить на перечисленные вопросы мы попытаемся ниже.

Прежде, чем перейти к анализу идеи «собирания Русской земли»,

рассмотрим контекст, в котором она формировалась. Для этого обратимся к предыстории вопроса и обозначим ту историческую и духовную обстановку, в которой выстраивалось понимание, что именно московские князья являются основной силой, способной объединить разрозненные русские земли. Фактический распад державы Владимира Святославича на несколько родственных, однако независимых друг от друга государств-княжеств связан с непрерывными междоусобными войнами самих князей рода Рюриковичей. Межкняжеские конфликты возникли почти в одно время с формированием русской державы. Как известно, первая междоусобица произошла уже в X в. между сыновьями князя Святослава Игоревича Ярополком, Олегом и Владимиром. Последний вышел победителем и закрепил за собой киевский престол. После его смерти братоубийственную войну начали его сыновья. В живых остались двое – Ярослав и Мстислав. Некоторое время они правили совместно – первый в Киеве, второй в Чернигове. После смерти Мстислава Русская земля отошла к Ярославу (исключение составляло Полоцкое княжение, в котором правили потомки Изяслава, сына Владимира и Рогнеды). В поколении сыновей Ярослава отношения также были крайне непростыми. Достаточно упомянуть тот факт, что в 1073 г. князь Святослав и Всеволод организовали заговор против своего брата, киевского князя Изяслава, который вынужден был бежать в Польшу и вернулся на Русь лишь в 1076 г. после кончины Святослава, правившего на протяжении трех этих лет в Киеве. Эти конфликты порождались естественными княжескими разногласиями, которые в конечном счете разрешались тем или иным способом. Каждый раз события развивались по следующему сценарию: князья воевали друг с другом, потом выжившие садились за стол переговоров и договаривались о новом политическом порядке. В результате на Руси на некоторое время устанавливался хрупкий мир. Кардинальные изменения начались во

⁷Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 9–11.

второй четверти XII в. Во-первых, количество князей из династии Рюриковичей существенно возросло. Соответственно, увеличилось и количество претендентов на княжеские столы. Положение усугублялось тем обстоятельством, что в новых условиях было крайне затруднительно определить, кому из князей принадлежит династическое старшинство. В условиях многодетности княжеских семей нередко складывалась ситуация, когда племянники возрастом были старше своих дядей. При этом в родовой иерархии последние, разумеется, занимали более высокую позицию. В результате определить, кто должен наследовать киевский престол, было крайне затруднительно. Еще одним побочным следствием увеличения числа Рюриковичей стало размывание родства между князьями. К началу XIII в. на Руси уже фактически оформилось несколько княжеских династий, представители которых находились друг с другом в весьма отдаленном родстве. Кровно-родственные чувства и в XI в. слабо сдерживали княжеские амбиции, а в XII в. вовсе утратили какое-либо значение. Во-вторых, Киевское княжество, которое, как было отмечено выше, ранее являлось бесспорно сильнейшим, постепенно начинает утрачивать это положение. В XII в. набирают политический вес Ростово-Суздальская, Галицко-Волынская, Новгородская, Смоленская и другие земли. Каждая из них была независима от Киева в экономическом отношении. Оставалось лишь получить политическую независимость. Два указанных фактора привели к тому, что междоусобные войны стали явлением постоянным. Если раньше политическое единство Руси скреплялось авторитетом киевского князя, то теперь этот институт утратил свое былое значение. Пагубность междоусобиц была осознана древнерусскими интеллектуалами, однако понимание масштабов их вреда сложилось далеко не сразу. Говоря о княжеских столкновениях второй–третьей четверти XII в., русские летописцы сохраняют нейтральный тон, как будто речь идет об абсолютно

естественных процессах. Лишь взятие Киева князем Андреем Боголюбским в 1169 г. было воспринято как нечто беспрецедентное. В Лаврентьевской летописи в статье 6676 г. читается: «Се же здеся за грехы их, паче же за митрополичю неправду»⁸. В сходном ключе события изложены в Ипатьевской летописи, в которой текст о разорении Киева помещен под 6679 г.: «Но Богъ молитвами святыя Богородица съблюде и о таковыя нужда, и бысть в Киеве на всех человецехъ стенание и туга, и скорбь не утешимая и слезы непрестаньныя. Си же вся сдеяшася грехъ ради наших»⁹. В обоих случаях разорение Киева рассматривается как трагедия. Однако причиной ее, согласно как Лаврентьевской, так и Ипатьевской летописям, являются не княжеские конфликты, а греховность самих киевлян и митрополита. Лишь в конце XII в. русские интеллектуалы осознали, что причина всех бед кроется в отсутствии согласия между князьями. Одним из первых произведений, в котором мысль о пагубности междоусобных конфликтов прозвучала напрямую, стало Слово о полку Игореве¹⁰. В тексте упоминаются междоусобицы конца XI в., инициатором которых стал князь Олег Святославич, а также войны Ярославичей со Всеславом Полоцким. В наиболее полном виде тема княжеских столкновений звучит в пассаже: «Усобица княземъ на поганяя погыбе, рекоста бо брать брату: “Се мое, а то мое же”. И

⁸Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1 (далее – ПСРЛ. Т. 1). Стб. 354.

⁹Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 2001. Т. 2 (далее – ПСРЛ. Т. 2). Стб. 545.

¹⁰Изучению данного памятника посвящена необозримо обширная историография (Энциклопедия Слова о полку Игореве. СПб., 1995). Некоторые даже сомневались в подлинности памятника и считали его подделкой XVIII в. (*Moser Ch. The problem of the Igor Tale // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 7. No 2. 1973. P. 135–154; Trost K. Karamzin und das Igorlied // Anzeiger für slavische Philologia. Bd. 7. 1974. S. 128–145; Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006*). Однако современные исследования подтверждают датировку Слова о полку Игореве концом XII–началом XIII вв. (*Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. М., 2008*). В настоящей статье мы будем придерживаться мнения о создании памятника в конце XII в. или начале XIII в.

начяша князи про малое “се великое” мльвити, а сами на себе крамолу ковати, а погании съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую»¹¹. Согласно измышлениям автора Слова о полку Игореве кровопролитные княжеские конфликты являются лишь следствием более существенной проблемы – отсутствия единства среди правителей Русской земли. В постоянных распрях и склоках измелъчала доблесть Рюриковичей. Князья забыли, что главная их задача – защита Руси от нашествия иноплеменников. Схожие мотивы читаются также в Повести о взятии Царьграда фрягами, написанной в начале XIII в. и вошедшей в состав ряда летописных памятников¹². Согласно мысли ее автора именно интриги Царьградского двора привели страну к неспособности сдерживать внешнюю угрозу в лице крестоносцев¹³. Тема братоубийственных конфликтов затрагивается также в летописном рассказе о преступлениях рязанских князей, помещенном в Синодальном списке Новгородской I летописи. В тексте сообщается о том, как на княжеском съезде рязанские князья Глеб и Константин вероломно умертвили своих братьев, чтобы взять под контроль Рязанское княжество¹⁴. Повесть о битве на

р. Липице, вошедшая в состав целого ряда русских летописных сводов, также посвящена междоусобной войне между князьями Владимиро-Суздальской земли: Юрием и Ярославом с одной стороны и их старшим братом Константином – с другой. Союзником последнего выступил новгородский князь Мстислав Удатный, приходившийся, что весьма показательно, тестем Ярославу. Наконец, тема отсутствия единства русских князей появляется в произведениях, посвященных нашествию монголов на Русь. В Повести о разорении Рязани Батыем читаем следующий пассаж: «И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыа, и вскоре посла в град Владимир к благоверному и великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыа, или бы сам пошел. Князь великий Георгии Всеволодович Владимирской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о себе сам сотворити брань з Батыем»¹⁵. Из текста следует, что Юрий отказал рязанским князьям в помощи, считая, что сможет дать отпор врагу в одиночку. Подобная самоуверенность роднит его с князем Игорем Святославичем, который, возжелав славы, отправился в поход против половцев, не заручившись поддержкой старших князей, чем навлек беду на Русскую землю. Таким образом, в конце XII–XIII вв. в русской литературе сложился целый пласт сочинений, в которых затрагивается тема княжеских усобиц. Все эти тексты объединены общей идеей: отсутствие единства среди князей губительно для Русской земли и ведет к утрате способности противостоять внешней угрозе. Раздробленность воспринималась как одна из основных проблем эпохи. Монгольское нашествие существенно изменило политическую ситуацию в русских землях. Однако разобщенность князей никуда не исчезла. Из XIII в. она перешла в XIV в.

Рассмотрев обстановку, сложившуюся на Руси, переходим к

¹¹Слово о полку Игореве // БЛДР. Т. 4. СПб., 1997. С. 258.

¹²Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // ТОДРЛ. Т. 10. М.–Л., 1954. С. 120–135; Шибанов М.А. Летописные источники Еллинского летописца второго вида // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 187–204; Жуков А.Е. К вопросу о редактировании летописных источников в Еллинском летописце второго вида // Новгородский исторический сборник. № 13 (23). Великий Новгород, 2013. С. 151–170.

¹³Текст повести неоднократно публиковался при издании тех летописей, в состав которых она помещена. Публикацию древнейшего вида, представленного в Новгородской I летописи см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.–Л., 1959. С. 46–49, 240–246. Издание текста по Синодальному списку с конъектурами по Комиссионному списку Новгородской I летописи см.: Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. // БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 66–73.

¹⁴Рассказ о преступлении рязанских князей // БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 88–89.

¹⁵Повесть о разорении Рязани Батыем // БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 140.

анализу идеологии «собираения Русской земли», которая возникла в этих условиях. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в древнерусской литературе не употребляется слово «собираение» как обозначение объединительного процесса, но используется слово «сѣбратель Русской земли» как характеристика определенной личности – московского князя Ивана Калиты. Как было отмечено выше, впервые данная оценка его деятельности появляется в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича Донского», которое начинается следующими словами: «Сии убо великий князь Дмитрии родися от благородну и от порочную родителю, сын великаго князя Ивана Ивановича и матери великой княгини Александры, внук же бысть православнаго и великаго князя Ивана Даниловича, собрателя Руской земли, ис корени святого и Богом насаженнаго саду отрасль благоплодна и цвет прекрасныи, царя Владимера, новаго Костянтина, крестившаго землю Русскую»¹⁶. Данное произведение состоит из трех частей: 1) исторической части, повествующей о победах великого князя над татарами, 2) завещания Дмитрия Донского, 3) риторической похвалы князю. В соответствии с традициями древнерусской книжной культуры автор не называет своего имени, однако пишет о себе как о современнике великого князя, который присутствовал на его похоронах. Среди источников «Слова» исследователи отмечают летописную Повесть о Куликовской битве, Повесть о житии Александра Невского, Паремийное чтение о Борисе и Глебе, апокрифическое «Слово» на Рождество Христово о пришествии волхвов¹⁷. В самостоятельном виде произведение не встречается, однако

помещено в ряде летописей под 1389 г. Древнейший вид «Слова» представлен в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях. Более поздний вид текста содержит Софийская I летопись. В последней были произведены некоторые изменения в стилистике «Слова». Новгородская Карамзинская, Новгородская IV и Софийская I летописи являются родственными друг другу памятниками. Их принято называть летописями новгородско-софийской группы. Из последней «Слово» попало в более поздние летописные своды: Московский свод конца XV в., Воскресенскую летопись, Никоновскую летопись, Лицевой летописный свод, а также в Степенную книгу царского родословия – известнейший исторический трактат, созданный в третьей четверти XVI в. В каждом из указанных памятников текст «Слова» подвергался редакторской правке. Иногда исправления носили стилистический характер. В других случаях «Слово» дополнялось новыми фрагментами или подвергалось сокращению. Наиболее детально эти редакторские изменения были рассмотрены М.А. Салминой¹⁸.

Различные суждения высказывались по вопросу о времени составления рассматриваемого текста. С.К. Шамбинаго и А.А. Шахматов считали, что его составитель был современником Дмитрия Донского и написал «Слово» на рубеже XIV–XV вв.¹⁹ В.П. Адрианова-Перетц отметила сходство стиля «Слова» с произведениями Епифания Премудрого²⁰. Следовательно, автор был знаком с сочинениями последнего. На этом основании она сделала вывод о том, что произведение не могло появиться раньше

¹⁶Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1 (далее – ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1). С. 351; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1 (далее – ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1). Стб. 492.

¹⁷Прохоров Г.М., Салмина М.А. Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русаго // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я. Л., 1989. С. 403–405.

¹⁸Салмина М. А. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьсаго // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 81–104.

¹⁹Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 66, 352–358; Шахматов А. А. [Рецензия] // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 119–121.

²⁰Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьсаго // ТОДРЛ. Т. 5. М.–Л., 1947. С. 82–85.

1417–1418 гг. При этом, исследовательница склонялась к тому, что создание «Слова» следует отнести к промежутку между 1432 г. и 1453 г., т.е. ко времени феодальной войны Василия II с дядей и братьями. В.П. Адрианова-Перетц писала, что составитель «Слова» в части, посвященной завещанию Дмитрия Донского, особое внимание уделяет статусу бояр. В одном из пассажей Дмитрий Иванович обращается, согласно тексту, к своим сыновьям со словами: «Бояре своя любите, честь им достойную въздаваючи противу служения их, *без воли* их ничтоже творите». Таким образом, подразумевалась некоторая степень зависимости верховной власти от боярского окружения. Исследовательница считала, что подобную тенденцию на защиту старого порядка можно было проводить до 1453 г., т.е. до окончательной победы великого князя московского, но никак не позже²¹. К точке зрения С.К. Шамбинаго и А.А. Шахматова примкнул А.В. Соловьев. Исследователь обратил внимание на наличие в тексте фраз «но токмо слышах мног народ глаголющ: о горе нам, братье, князь княземь успе» и «предобрыи господин», на упоминание точных дат погребения, а также присутствие в «Слове о Житии» цитат из завещания Дмитрия Донского. Все это, по мнению А.В. Соловьева, мог записать только современник событий. Иначе исследователь интерпретировал и обращение Дмитрия Донского к боярам. По мнению А.В. Соловьева, эта речь могла быть произнесена в 1389 г., но не выдумана в 1432–1453 гг. Стилистическое сходство с произведениями Епифания Премудрого исследователь объясняет тем, что этот книжник и являлся автором «Слова о житии» еще до создания им «Жития Стефана Пермского»²². По мнению М.А. Салминой, «Слово» было создано после 1409 г. Исследовательница обратила внимание на данные Симеоновской

летописи и Рогожского летописца. Оба памятника восходят к Троицкой летописи. Последняя не сохранилась, однако ее создание относится к временам более ранним, чем составление летописей Новгородско-Софийской группы. М.А. Салмина отметила, что в Троицкой летописи «Слово о житии Дмитрия Ивановича» отсутствует, однако в ней читается известие о кончине Дмитрия Донского, которое в некоторых чтениях сближается со «Словом». Это сходство, по мнению исследовательницы, может быть объяснено либо тем, что текст «Слова» был сокращен в Троицкой летописи, либо тем, что известие Троицкой летописи послужило одним из источников «Слова». Исследовательница склонялась ко второму варианту, отмечая при этом: «Сообщение Симеоновской летописи представляет собой не только композиционно стройную, как уже говорилось, запись о “преставлении” великого князя Дмитрия Ивановича. Сообщение это написано в той же стилистической манере, которая характерна для других частей Симеоновской (и Троицкой) летописи»²³. Впоследствии М.А. Салмина отказалась от датировки «Слова» XV в. и отнесла составление памятника к XVI в.²⁴. Ко второй четверти XV в. относил создание текста и М.Ф. Антонов. Исследовательница отметила стилистическое сходство «Слова» с рядом текстов, читающихся в Новгородской IV летописи, но отсутствующих в Софийской I летописи: «Повестью о разорении Москвы Тахтамышем» (1382 г.), послесловием к рассказу о преставлении митрополита Киприана (1405 г.), плачем о епископе Арсении (1409 г.). Все эти тексты близки с литературной точки зрения и, по мнению М.Ф. Антоновой, были созданы самим автором Новгородской IV летописи. Указанные памятники возникли во второй половине XV в. после 1448 г. Данное

²¹Там же. С. 91–92.

²²Соловьев А. В. Епифании Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. Т. 17. 1961. С. 85–106.

²³Салмина М. А. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ. Т. 25. Л., 1970. С. 92.

²⁴Салмина М.А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», памятник XVI в.? // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159–162.

обстоятельство косвенно подтверждает датировку «Слова» 40-ми гг. XV в.²⁵

Не углубляясь в вопрос о времени создания рассматриваемого памятника, отметим, что не все аргументы исследователей, пытавшихся определить время его составления, в равной степени убедительны. Прежде всего, следует отказаться от версии о появлении «Слова» в XVI в. и воспринимать данную точку зрения как историографический курьез. Действительно, некоторые идеологические положения, обозначенные в тексте, близки к реалиям XVI столетия (в частности, для XV в. на первый взгляд выглядит необычным то обстоятельство, что автор настойчиво называет Дмитрия Донского русским «царем»). Вместе с тем, датировке памятника XVI в. противоречит то обстоятельство, что древнейшие списки Софийской I и Новгородской IV летописей датируются XV в.²⁶ Создание произведения во второй половине XV в. также представляется сомнительным. Наиболее ранний вариант его текста присутствует в Новгородской IV и Софийской I летописях. Следовательно, «Слово» читалось в их общем протографе. В историографии существуют различные точки зрения относительно появления последнего, однако все исследователи относят его составление к первой половине XV в.²⁷ Составление «Слова» до

²⁵ Антонова М.Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, Царя Русьскаго»: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 147–150.

²⁶ В последней четверти XV в. были переписаны Новороссийский (БАН. Тек. пост. 1107), Фроловский (РНБ. F.IV.235), Строевский (РНБ. Погод. 2035) и Толстовский (РНБ. Q.IV.138) списки Новгородской IV летописи (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. XVI–XVII). Этим же временем датируются список М.А. Оболенского (РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. 2. № 3) и Карамзинский список (РНБ. Q.IV.298) Софийской I летописи (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. V–VI).

²⁷ По вопросу о взаимоотношениях летописей новгородско-софийской группы и датировке их общего протографа в историографии отсутствует единое мнение. По мнению А.А. Шахматова, к которому впоследствии примкнул Я.С. Лурье, общим протографом Софийской I, Новгородской IV летописей, а также Новгородской Карамзинской летописи, состоящей из двух подборок, был Новгородско-Софийский свод 1448 г. (Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI

1409 г. также кажется нам маловероятным. На наш взгляд, весьма убедительно выглядит аргумент М.А. Салминой о том, что в Своде 1409 г., отразившемся в Троицкой, Симеоновской летописях и Рогожском летописце текст еще не читался. Попытки связать «Слово» с именем Епифания Премудрого выглядят малоубедительно.

Некоторое стилистическое сходство с его произведениями объясняется тем обстоятельством, что Епифаний был одним из наиболее авторитетных книжников XV в. Он существенно обогатил инструментарий выразительных средств древнерусской литературы. Стиль Епифания стал образцом для подражания, а приемы могли использоваться другими книжниками. По этой же причине нам не кажется показательным стилистическое сходство «Слова» с текстами Новгородской IV летописи, на которое обратила внимание М.Ф. Антонова. Все указанные произведения могли создаваться в одном литературном кругу, но разными людьми. Замечание В.П. Адриановой-Перетц о том, что пассаж «бояре своя любите, честь имъ достойную въздаваюци противу служения ихъ, без воля ихъ ни что же творите» мог быть вставлен в годы междоусобной войны второй четверти XV в., не представляется достаточно обоснованным. Дело в том, что бояре долгое время обладали широкой автономией. Князьям приходилось считаться с их интересами и принимать их

ув. М.–Л., 1938. С. 189–195). Однако Г.М. Прохоров отказался от предположения о существовании данного гипотетического памятника. Исследователь считал, что Софийская I летопись вторична по отношению к первой подборке Новгородской Карамзинской летописи и первична по отношению ко второй. Обе подборки Новгородской карамзинской летописи легли в основу Новгородской IV летописи (Прохоров Г.М. Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 165–198). По мнению А.Г. Боброва, общим протографом Софийской I летописи и второй подборки Новгородской Карамзинской летописи послужил Свод Фотия 1418 г., в основу которого, в свою очередь, была положена первая подборка Новгородской Карамзинской летописи. Обе подборки легли в основу Новгородской IV летописи (Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 134).

«волю» во внимание. Эта боярская свобода была обусловлена правом вельмож переходить от одного господина к другому. По меткому замечанию В.О. Ключевского, отношения бояр и князя наиболее точно отражаются в словах: «Ты это без нас думаешь, так не хотим сидеть с тобой в твоём уделе»²⁸. Подобное положение дел возникло на заре удельного периода и окончательно сошло на нет лишь в XVI в., когда система уделов почти изжила себя, что существенно ограничило возможность перехода. Уже во второй половине XV в. возможности бояр воздействовать на великих князей с помощью отъезда сократились, поскольку великие князья сосредоточили в своих руках огромные властные ресурсы. Однако ещё в первой половине XV в. переходы бояр были достаточно ощутимой угрозой для московских правителей. Подобное положение дел существовало как до войны 1425–1453 гг., так и после нее. Поэтому само по себе упоминание о необходимости считаться с боярской волей не может рассматриваться как датирующий признак для определения времени составления «Слова о житии Дмитрия Донского». На основании вышеизложенных обстоятельств предлагаем датировать создание рассматриваемого текста первой половиной XV в., но не ранее 1409 г.

Таким образом, формулировка «собратель Руской земли» впервые фиксируется в русской средневековой книжности в первой половине XV в. Действительно, к этому времени политическое могущество Москвы достигло таких высот, что ее значение как главного центра объединения Руси стало неоспоримым. К тому же, после Куликовской битвы именно Московское княжество стало восприниматься как единственная сила, способная противостоять монгольскому игу. Не понятно, однако, почему «собрателем Руской земли» назван именно Иван Калита? Какое значение вкладывал древнерусский книжник в эту формулировку? В поисках ответа на

данный вопрос прежде всего необходимо обратимся к интерпретации ключевого слова рассматриваемой формулы – к слову «собратель/събратель». Данная лексема является отглагольным существительным, образованным от слова «събирати», которое имело в древнерусском языке несколько значений. В «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского обнаруживаем следующие его переводы: собирать, сзывать, призывать, копить, собирать богатство, соединять²⁹. Таким образом, словосочетание «собратель Руской земли» может быть переведено на современный русский язык как «объединитель/накопитель Русской земли». Сразу же напрашивается предположение, что, по мнению автора, именно Иван Калита начал расширение Московского княжества путем присоединения к нему новых территорий. Однако подобное толкование противоречит некоторым особенностям содержания «Слова», а также целому ряду исторических фактов. С одной стороны, расширение территории московского удела началось еще при князе Данииле Александровиче. Он присоединил к Московскому княжеству Коломну и Переяславль-Залесский. В этом контексте Иван Калита лишь продолжил дело своего отца. С другой стороны, мы знаем, что присоединение новых земель к Московскому уделу (который впоследствии превратился в Московское государство) завершилось лишь в XVI в. Ни Иван Калита, ни Дмитрий Донской не могут рассматриваться как правители, которые поставили точку в этом деле. Однако в «Слове о житии Дмитрия Ивановича» «собрание Русской земли» мыслится как уже завершившийся процесс. По крайней мере, нигде не говорится, что потомки Ивана Калиты также были «собрателями». Кроме того, согласно тексту умирающий Дмитрий Донской завещает своему сыну Василию «Русскую землю» уже целиком: «И призвав первые сына своего болшаго князя Василия, и на

²⁸Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 171.

²⁹Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 3. Часть 1. Р-С. М., 1989. Стб. 640.

стареиши путь предасть в руце его великое княжение, еже есть стол отца своего и деда, и прадеда, и со всеми пошлинами, и даль есть ему отчину свою землю Рускую»³⁰. Следовательно с точки зрения книжника XV в. Русь уже представляла собой единое целое. Рассматривая вопрос о причинах, по которым «собрателем Руской земли» назван именно Иван Калита, следует уточнить, какое значение вкладывалось в XIV–XV вв. в словосочетание «Русская земля». Само по себе данное понятие могло трактоваться в древнерусской книжности как в широком, так и в узком смысле. В первом случае имеются в виду как минимум все земли, входившие некогда в состав державы Владимира Святославича. Во втором случае подразумевается территория, сувереном которой являлся князь, получивший ярлык на Владимирское Великое Княжение³¹. Иван Калита, получивший Владимирский ярлык и до 1337 г. носивший титул новгородского князя, обладал властью, недостижимой для других русских правителей. Показательно, что именно он первым из московских государей стал титуловаться «великим князем всея Руси»³². Однако вышеперечисленные обстоятельства не позволяют сами по себе говорить о Иване Даниловиче как о «собрателе Руской земли». Титул «великий князь всея Руси» использовался русскими князьями с начала XIV в. А.А. Горский отмечает, что впервые он был использован применительно к Михаилу Ярославичу Тверскому, когда тот получил ярлык на Владимирское княжение³³. Абсолютного контроля над новгородской республикой Иван Данилович также не имел. Разногласия с Новгородом приводили к вооруженным конфликтам. С 1337 г. новгородским князем стал представитель литовской династии Наримунт. Таким образом, Иван Калита не накопил достаточного властного ресурса для того, чтобы иметь полный контроль

над русскими землями. В этом плане он также не завершил процесс «собирания».

Для того, чтобы определить причины, по которым книжник XV в. назвал Ивана Калиту «собрателем Руской земли», обратимся к контексту, в котором формировалась общественно-политическая мысль во второй половине XIII–XIV вв. Как было отмечено выше, проблема межкняжеских усобиц так и не была решена после монгольского нашествия. Русь распалась на множество уделов, каждый из которых был закреплен за определенной княжеской династией. Фактически все они представляли собой самостоятельные государства. От окончательного распада Русь удерживало несколько начал: общий язык, единая вера, подчинение князей монгольскому хану, формальное старшинство владимирского великого князя, а также представление о самом городе Владимире как о столице русских земель. Отношения между удельными князьями были непростыми. Часто бывало и так, что худой мир между Рюриковичами сменялся доброй войной. Как и в былые времена, князья не могли объединиться, чтобы дать отпор захватчикам. В этом отношении Иван Калита был фигурой знаковой. В древнерусской книжности уже с XIV в. за ним прочно закрепилась репутация князя, благодаря которому на Руси установился мир. В этой связи следует упомянуть панегирическое послесловие, читающееся в Сийском Евангелии (БАН. Археогр. ком. 189). Данная рукопись была написана дьяками Мелентием и Прокошей по указу некоего чернеца Анании в 1339/1340 г. В тексте послесловия читается пространная похвала князю. Среди прочего о Иване Даниловиче сказано: «О сем бо князи великомъ Иване пророкъ Езекии глаголетъ: в последнее время въ апустевшии земли на западь въстанеть цесарь, правду любя и судъ не по мзде судя и ни в поношение поганымъ странам. При семь будет тишина велья в Руской земли и въсияеть въ дни его правда. Яко же и бысть при его цесарстве. Хвалить Римская земля Петра и Павла, Асия Иоана Богословеца, Индиска Фому, Ераполь Филипа, Руская

³⁰ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 500.

³¹Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996. С. 45–46.

³²Там же. С. 46.

³³Там же.

земле Первозваного апостола Андрея, Гречьянская земля цесаря Костянтина. Сему благородному князю великому Ивану, створшему дела подобна в Руской земле правоверному цесарю Костянтину, о семь бо песнословьць глаголетъ: постави Господи законодавца над ними, да разумеють языци, яко человеци суть»³⁴. Авторы ставят князя Ивана в один ряд с апостолами, равноапостольными святыми и сравнивают с императором Константином, а также упоминают о том, что именно при нем на Руси установился мир. Сходная его характеристика представлена в Рогожском летописце: «Того же лета седе Иванъ Данилович[ъ] на великомъ княжении всея Руси и бысть оттоле тишина велика на 40 летъ и престаша погании воевати Рускую землю и закалат[и] христианъ и отдохнуша и упочинуша христиане отъ великия истомы и многыя тягости отъ насилия татарьскаго и бысть оттоле тишина велика по всеи земли»³⁵. Последний является памятником летописания XV в., однако представляет собой сложную компиляцию, состоящую из нескольких разновременных частей. Текст за 1328–1374 гг. основан на соединении тверских летописных материалов и текста, близкого к Симеоновской летописи и, вероятно, восходящего к Троицкой летописи³⁶. Последняя, в свою очередь, в изложении событий XIV в. была основана на материалах московского летописания. Надо полагать, что известие о миролюбивой политике Ивана Даниловича также имело московское происхождение. Конечно же, книжники выдавали желаемое за действительное, а оценки московского правителя как миротворца являются весьма условными. Внутренние конфликты и нашествия монголов случались на Руси и в годы Калиты. В частности, в 1327–28 гг. Иван Данилович принимал участие в карательной

экспедиции Орды против Твери, получившей название «Федорчукова рать». В конце концов, Калита сумел добиться казни Александра Тверского в Орде (1339 г.). В 1337 г. Иван совершил поход на Новгород. В конце жизни вместе с ордынскими войсками московский князь принял участие в разграблении Смоленской земли. Однако в контексте настоящей статьи значение имеет не его реальная деятельность, а представления о нем, сложившиеся в русской средневековой публицистике. В понимании древнерусских книжников в ходе своего правления Ивану Даниловичу удалось установить мир на Руси. Возможно, называя московского правителя «собрателем Руской земли», составитель «Слова о житии Дмитрия Ивановича» исходил из того, что ему удалось остановить череду междоусобных войн, терзавших Русь на протяжении двух столетий.

Следующим шагом в осмыслении сюжета об объединении Руси стала Степенная книга царского родословия. В главе 1 степени 12 ее составитель воспроизвел текст «Слова о житии Дмитрия Ивановича» и вновь назвал Ивана Калиту «събирателем Руской земли»³⁷. Однако на этом он решил не останавливаться и дал сходную характеристику его далекому потомку Ивану III в титуле 10 главы 4 степени 15: «Богомудрыи же благочестиа ревнитель, достохвалныи супостатомъ победитель и собратель Богомъ дарованнаго ему началнеишаго отечества великий князь Иван Васильевич Владимирский и Новгородский и всея Руси самодержецъ возвратися оттуду (из Новгорода – А.Ж.) к Москве с великою победою месяца августа 13, тако же и вся братиа его, и князи и боляре, и вси воеводы и все воинство ихъ со многуо корыстию»³⁸. Формулировки «Слова о житии Дмитрия Ивановича» и Степенной книги сходны. В частности, М.М. Кром не видит между ними существенной разницы и ставит в один

³⁴БАН. Археогр. ком. 189. Л. 216.

³⁵Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Изд. 2. Вып. 1. Пг., 1922. С. 44.

³⁶Дурье Я.С. Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 2. Л–Я. Л., 1989. С. 22–23.

³⁷Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2: Степени XI–XVII. Приложения. Указатели. М., 2008. С. 47.

³⁸Там же. С. 234.

ряд. Однако при более внимательном рассмотрении в становятся очевидными различия обеих характеристик. Иван III назван не «собрателем Руской земли», а «собрателем Отечества». Слова «земля» и «отечество» могут в некоторых контекстах выступать как синонимы в значении «страна». Однако «земля» – это прежде всего государство, край, область, в которой проживает определенный народ³⁹, «отечество» – это родовое владение, доставшееся по наследству от предков, удел, вотчина⁴⁰. Иван Калита был правителем, умиротворившим Русскую землю, сплотившим уделы, однако не присоединявшим их к своим собственным владениям. Иван III в Степенной книге фигурирует как государь, расширяющий свою вотчину путем территориальных приращений и распространения на покоренные территории своего монаршего суверенитета. Примечательно, что титла 10 главы 4 степени 15 посвящена возвращению Ивана Васильевича из покоренного Великого Новгорода. Фактически звания «собиратель Отечества» великий князь удостоился только после присоединения Новгородской земли к своим владениям. Подобное вотчинное толкование понятия «собиратель» существенно отличается от династической интерпретации, предложенной в «Слове о житии Дмитрия Ивановича».

Таким образом, в древнерусской публицистике существовала не одна, а сразу две идеологемы, связанные с «собираем». В рамках первой московский князь Иван Калита провозглашался «собрателем Руской земли». В древнерусской книжности он рассматривался как правитель, который сумел восстановить утраченное ранее согласие среди Рюриковичей. Речь идет не о собирании земель и не о наращивании

власти (хотя и то, и другое в годы правления Ивана Даниловича имело место), а прежде всего об установлении мира и объединении русских земель в единое целое путем прекращения перманентного конфликта. В рамках второй идеологемы «собираем» рассматривается как присоединение русских земель, входивших в государство равноапостольного князя Владимира Святославича, к Московскому уделу. Назовем подобный подход «вотчинным». В первом случае собирание не вело княжества к утрате суверенитета, во втором оно обозначало полную потерю субъектности. Примечательно, что два обозначенных концепта не только не исключали друг друга, но и сосуществовали на страницах памятников древнерусской книжности (в частности, в Степенной книге царского родословия). Феодалная война второй четверти XV в. наглядно показала, что признание московских князей в качестве основной и наиболее авторитетной силы на Руси является условием важным, однако недостаточным. Сама специфика устройства русского государства в удельный период приводила к междоусобным войнам. Для окончательного объединения необходимо было ликвидировать сами удельные порядки. Поэтому «собратель Богом дарованного ему начальнейшего отечества» Иван III воспринимался как продолжатель дела «собрателя Руской земли» Ивана Калиты, сделавший следующий шаг в направлении объединения Руси.

Следует отметить, что идеи собирания русской земли/отечества соседствуют в памятниках русской средневековой книжности с концепцией московских князей как защитников и хранителей православной веры. С последней мы впервые сталкиваемся также применительно к князю Ивану Даниловичу в панегирическом послесловии к Сийскому Евангелию⁴¹. Довольно ярко образ московских князей как хранителей православия представлен в памятниках

³⁹Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 1. Часть 2: Е–К. М., 1989. Стб. 973; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5 (Е–Зинуте). М., 1978. С. 376.

⁴⁰Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 2. Часть 1: Л–О. М., 1989. Стб. 834; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13 (Опась–Отрабатыватися) М., 1987. С. 238–239.

⁴¹БАН. Археогр. ком. 189. Л. 216.

Куликовского цикла. Летописная повесть о начинается словами: «Прииде ордынский князь Мамай съ единомысленики своими, и съ всеми прочими князьми ордынскими, и съ всею силою татарскою и половецкою, еще же к тому рати понаимовав бесермены, армени, фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы. Также с Мамаемъ вкупе, въ единой мысли и въ единой думе, и литовский князь Ягаило Олгердович съ всею силою литовскою, с ляцкою, и с ними же въ единачестве Олегъ Иванович, князь рязанский. Съ всеми сими съветники поиде на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его князя Володимера Андреевича. Но хотя человеколюбивый Богъ спасти и свободити род христианский молитвами пречистыа его Матере от работы измалтския, от поганого Мамаа, и от сонма нечестиваго Ягаила, и от велеречиваго и худаго Олга Рязанскаго, не снабдевшему своего христианства. И приидет ему день великий Господень в суд, аду и ехидну!»⁴². С первых строк московский князь и его союзники провозглашаются защитниками веры, а их противники, среди которых есть другие русские князья, объявляются врагами православия. Сходные оценки содержатся в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Хощу вамъ, братие, брань поведати новыа победы, како случися брань на Дону великому князю Димитрию Ивановичю и всем православным христианом с поганым Мамаемъ и з безбожными агаряны. И възвыси Богъ род христианский, а поганых уничижи и посрами их суровство, якоже въ прежняя времена Гедеону над мадиамы и преславному Моисию над фараоном. Подобаеть намъ поведати величество и милость Божию, како сътвори Господь волю боящихся его, како пособьствова Господь великому князю Димитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю над безбожными половци и агаряны»⁴³. Вновь православное христианство, возглавляемое московским князем, противопоставлено «безбожным

агарянам», которых ведет в бой Мамай. Показательно, что к памятникам Куликовского цикла принадлежит и «Слово о житии Дмитрия Ивановича», в котором Иван Калита упоминается как «собиратель Русской земли». В данном произведении Дмитрий Донской также фигурирует как поборник православной веры. В тексте присутствует множество пассажей, прославляющих московского князя. Прочитируем в качестве примера лишь один из них. Перед Куликовской битвой князь Дмитрий обращается к своим вельможам со следующими словами: «Лепо есть намъ, братье, положити главы своя за правоверную веру христианскую. Да не прияти будутъ гради наши поганымъ, ни запустеютъ святыа Божия церкви и не рассеяни будемъ по лицу всея земля, да не поведени будутъ жены наши и дети в полон, да не томими будемъ погаными по вся дни, аще за нас умолитъ сына своего и Бога нашего пречистая Богородице»⁴⁴. Образ московских князей как защитников православия вновь возникает в произведениях эпохи Ивана III. Наиболее ярко эта идея проявляется в летописной повести о походе Ивана III к Новгороду ратью. Согласно концепции ее автора, после смерти архиепископа Ионы между новгородцами возникли разногласия. Одни хотели сохранить верность московскому государю, а другие ратовали за то, чтобы перейти на службу к литовскому великому князю. Последние в повести обвиняются в стремлении отложиться от православия. Согласно тексту Иван III обращается к новгородцам со словами: «Отчина моя естя, люди новгородстии, изначала: от дед, от прадед наших, от великаго князя Владимире, крестившаго землю Рускую, от правнука Рюрикова, первого великого князя в земли вашей. И от того Рюрика да иже и до сего дни знали есте единъ род тех великих князей, преже киевских, до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода Володимерьскаго, а от того великого князя да иже до мене род их, мы владеем вами, и жалуем вас, и бороним отовселе, а и казнити волны же есмы, коли на нас не по

⁴²Летописная повесть о Куликовской битве // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 120.

⁴³Там же. С. 138.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 495.

старине смотрите почнете. А за королем никоторым, ни за великим князем литовским не бывали есте, какъ и земля ваша стала, а нынеча от християнства отступаете к латинству чрес крестное целование. Яз, князь великий, никоторые силы не чиню над вами, ни тягости не налагаю выше того, какъ было при отци моем, великом князи Василье Васильевиче, и при деде моем, и при прадеде, и при прочих великих князех рода нашего, но еще и жаловати вас хочю, свою отчину»⁴⁵. В своей речи Иван III формулирует два основных тезиса. Во-первых, он отмечает, что Новгород является отчиной Рюриковичей и никогда не принадлежал Литве. Таким образом, он обозначает свои династические права на Новгородскую землю. Во-вторых, он говорит, что часть новгородцев отложилась от православия и примкнула к латинству. И здесь Иван уже выступает в другом качестве – как защитник православной веры.

Говоря о процессе «собирания русских земель», исследователи, как правило, фокусируют свое внимание на значении формулировки «сбратель Руской земли», использованной древнерусским книжником применительно к определенному правителю – Ивану Калите, либо о территориальных приращениях, которые в конце концов и привели к созданию единого русского государства. При этом в историографии не уделяется должного внимания тому, какова была сверхзадача этого объединения. В связи с указанным обстоятельством следует отметить, что концепт «собирания русских земель» тесно связан с представлением о московских князьях как защитниках православного русского народа от иноверцев. Само объединение нужно, прежде всего, для того, чтобы дать отпор внешней угрозе. Именно поэтому само словосочетание «собратель Руской земли» применительно к московскому князю Ивану Калите впервые появляется в «Слове о житии

Дмитрия Ивановича». Добившись признания Москвы как основной политической силы на Руси, он создал предпосылки для того, чтобы его внук сокрушил войска Мамаю на Куликовом поле. Московская династия, таким образом, восстановила естественный порядок вещей и вывела страну из продолжительного кризиса, возникшего еще в XII в. и ознаменовавшегося чередой братоубийственных войн. Собрание земель было представлено не как простое наращивание власти или территорий, а как выполнение богоугодного дела. Хотя другие удельные княжества, а также Литва, осуществляли территориальные примыслы, ни одно из них не создало столь последовательной и завершенной идеологической доктрины, доказывающей необходимость этой территориальной экспансии и ее историческую обоснованность. Московские князья мыслили себя продолжателями дела Владимира Святославича, крестившего Русскую землю. Основы этой политической доктрины начинают закладываться еще в XIV в. и достигают своего максимального развития двумя столетиями позже, во времена Ивана IV. Тезис о Иване Калите как о «собрателе Руской земли» был одним из первых ярких проявлений данной идеологии.

⁴⁵Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // БЛДР. Т. 7. СПб., 1999. С. 290.

Библиография

Источники

- БАН. Археогр. ком. 189. Сийское Евангелие.
БАН. Тек. пост. 1107. Новороссийский список Новгородской IV летописи.
Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 2001.
Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
Летописная повесть о Куликовской битве // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999.
Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // БЛДР. Т. 7. СПб., 1999.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.–Л., 1959.
Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. М., 2000.
Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. // БЛДР. Т. 5. СПб., 1997.
Повесть о разорении Рязани Батыем // БЛДР. Т. 5. СПб., 1997.
Рассказ о преступлении рязанских князей // БЛДР. Т. 5. СПб., 1997.
РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. 2. № 3. Список Оболенского Софийской I летописи.
РНБ. F.IV.235. Фроловский список Новгородской IV летописи.
РНБ. Q.IV.138. Толстовский список Новгородской IV летописи.
РНБ. Q.IV.298. Карамзинский список Софийской I летописи.
РНБ. Погод. 2035. Строевский список Новгородской IV летописи.
Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Изд. 2. Вып. 1. Пг., 1922.
Слово о полку Игореве // БЛДР. Т. 4. СПб., 1997.
Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.

Литература

- Адрианова-Перетц В. П.* Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ. Т. 5. М.–Л., 1947.
Антонова М.Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, Царя Русьскаго»: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974.
Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010.
Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996.
Грушевський М.С. Історія України–Руси. Т. 2–3. Київ, 1905.
Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.–Л., 1955.
Жуков А.Е. К вопросу о редактировании летописных источников в Еллинском летописце второго вида // Новгородский исторический сборник. № 13 (23). Великий Новгород, 2013.
Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. М., 2008.
Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.
Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902.
Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018.
Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси X–XIV вв. М., 1984.
Лурье Я.С. Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 2. Л.–Я. Л., 1989.
Любавский М.К. Формирование основной государственной территории великорусской народности. Заселение центра. Л., 1929.
Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // ТОДРЛ. Т. X. М.–Л., 1954.
Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
Прохоров Г.М. Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977.

Прохоров Г.М., Салмина М.А. Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я. Л., 1989.

Русина О. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998.

Салмина М. А. Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ. Т. 25. Л., 1970.

Салмина М.А. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», памятник XVI в.? // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.

Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5 (Е–Зинутие). М., 1978.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13 (Опась–Отработыватися) М., 1987.

Соболева Н.А. Имперская идея и российская символика власти (XI–XVI вв.) // Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011.

Соловьев А. В. Епифании Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. Т. 17. Л., 1961.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 1. Часть 2: Е–К. М., 1989.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 2. Часть 1: Л–О. М., 1989.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 3. Часть 1. Р–С. М., 1989.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2: Степени XI–XVII. Приложения. Указатели. М., 2008.

Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // Общественные науки и современность. № 1. 2012.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великаго княжества Литовскаго. Киев, 1987.

Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

Шахматов А. А. [Рецензия] // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиеі наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910.

Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938.

Шубаев М.А. Летописные источники Еллинскаго летописца втораго вида // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004.

Энциклопедия Слова о полку Игореве. СПб., 1995.

Moser Ch. The problem of the Igor Tale // Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol. 7. N2.

Trost K. Karamzin und das Igorlied // Anzeiger für slavische Philologia. Bd. 7.1974.

Об авторе

Жуков Артем Евгеньевич, кандидат исторических наук, с.н.с. НИОР БАН, г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: источниковедение средневековой Руси.

E-mail: artemnovgor@inbox.ru

THE CONCEPTION OF THE COLLECTION OF THE RUSSIAN LANDS IN THE RUSSIAN LITERATURE OF XV–XVI CENTURIES

Annotation: The article is devoted to the study of the concept of collecting Russian land in the form in which it is presented in Russian literature of the 15th–16th centuries. The historical context of the formation of this ideologeme, as well as the dynamics of its development, are considered. The author notes that the formulation “gathering Russian land” as a designation of a certain process is not found in Russian literature. However, in the 15th century in the “Tale of the Life of Dmitry Ivanovich” prince Ivan Kalita appears as “the collector of the Russian land.” The author believes that such an estimation of the activities of this ruler is connected primarily with the fact that during the years of his reign peace was established in Russia, internecine wars and clashes with the Horde ceased (at least, this is what Russian scribes of the 14th century believed). Thus, Ivan Danilovich managed to stop a series of inter-princely clashes. The Russian land regained its unity, which had been lost in the 12th century. Already in the 16th century, in the Degree Book of the Tsar's Genealogy, in relation to Ivan III, the formulation “collector of the God-given Fatherland” appears. Despite their similar sound, the formulas of the “Tale of the Life of Dmitry Ivanovich” and the Degree Book, in the opinion of the author, are significantly different. In the first case, we are talking about the pacification of Russia, and in the second, about the territorial expansion of the Moscow principality by annexing new lands. The article notes the connection between the idea of “gathering the Russian land” and the idea of protecting Orthodoxy from infidels. Concluding his reasoning, the author writes that Moscow scribes managed to create a holistic concept of the unification of Russia and gave a historical and ideological justification of this process.

Key-words: unification of Rus', appanage period, Old Russian literature, chronicles, Grand Duchy of Moscow.

Referenses

Sources

BAN [Library of the Academy of Sciences]. Arkheogr. kom. 189. Siyskoye Yevangeliye. (In Russian).

BAN [Library of the Academy of Sciences]. Tek. post. 1107. Novorossiyskiy spisok Novgorodskoy IV letopisi. (In Russian).

Ipat'yevskaya letopis' [Ipatiev Chronicle] // PSRL. Vol. 2. Moscow, 2001. (In Russian).

Lavrent'yevskaya letopis' [Laurentian Chronicle] // PSRL. Vol. 1. Moscow, 1997. (In Russian).

Letopisnaya povest' o Kulikovskoy bitve [The chronicle story of the Battle of Kulikovo] // BLDR. Vol. 6. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Moskovskaya povest' o pokhode Ivana III Vasil'yevicha na Novgorod [Moscow story of Ivan III Vasilyevich's campaign against Novgorod] // BLDR. Vol. 7. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First Chronicle of the senior and junior editions] / Edited by and with a preface by A.N. Nasonov. Moscow–Leningrad, 1959. (In Russian).

Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Novgorod Fourth Chronicle] // PSRL. Vol. 4. Issue. 1. Moscow, 2000. (In Russian).

Povest' o vzyatii Tsar'grada krestonostsami v 1204 g. [Story of the capture of Constantinople by the Crusaders] // BLDR. Vol. 5. St. Petersburg, 1997. (In Russian).

Povest' o razorenii Ryazani Batyem [Story of the destruction of Ryazan by Bat] // BLDR. Vol. 5. St. Petersburg, 1997. (In Russian).

Rasskaz o prestuplenii ryazanskikh knyazey [The story of the crime of the Ryazan princes] // BLDR. Vol. 5. St. Petersburg, 1997. (In Russian).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 135. Otd. V. Rubr. 2. № 3. Spisok Obolenskogo Sofiyskoy I letopisi. (In Russian).

RNB [Russian National Library]. F.IV.235. Frolovskiy spisok Novgorodskoy IV letopisi. (In Russian).

RNB [Russian National Library]. Q.IV.138. Tolstovskiy spisok Novgorodskoy IV letopisi. (In Russian).

RNB [Russian National Library]. Q.IV.298. Karamzinskiy spisok Sofiyskoy I letopisi. (In Russian).

RNB [Russian National Library]. Pogod. 2035. Stroyevskiy spisok Novgorodskoy IV letopisi. (In Russian).

Rogozhskiy letopisets [Rogozhsky Chronicler] // PSRL. Vol. 15. Editon 2. Issue 1. Petrograd, 1922. (In Russian).

Slovo o polku Igoreve [The Word about Igor campaign] // BLDR. Vol. 4. St. Petersburg, 1997. (In Russian).

Sofiyskaya pervaya letopis' starshego izvoda [Sofia's First Chronicle of the senior editon] // PSRL. Vol. 6. Issue. 1. Moscow, 2000. (In Russian).

Researches

Adrianova-Peretts V.P. Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya Rus'skago [The tale about the life and death of the great prince Dmitriy Ivanovich] // TODRL. Moscow–Leningrad, 1947. T. 5. (In Russian).

Antonova M.F. «Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, Tsarya Rus'skago»: (Voprosy atributsii i zhanra) [The tale about the life and death of the great prince and russian tsar Dmitriy Ivanovich: (the questions of the attribution and the genre)] // TODRL. Vol. 28. Leningrad, 1974. (In Russian).

Bobrov A.G. Novgorodskiye letopisi XV veka [The Novgorodian chronicles of the XV century]. St. Petersburg, 2001. (In Russian).

Gorskiy A.A. Ot zemel' k velikim knyazheniyam: «primysly» russkikh knyazey vtoroy poloviny XIII–XV v. [From the lands to the grand duchies: «primysly» of the Russian great princes' of the second part of the XIII–XV centuries]. Moscow, 2010. (In Russian).

Gorskiy A.A. Russkiye zemli v XIII–XIV vekakh. Puti politicheskogo razvitiya [The Russian lands in the XIII–XV centuries: the tracks of the political development]. Moscow, 1996. (In Russian).

Grushevs'kiy M.S. Istoriya Ukraїni–Rusi [The history of the Ukraine-Rus']. Vol. 2, 3. Kiїv, 1905. (In Ukrainian).

Dmitriyeva R.P. Skazaniye o knyaz'yakh vladimirskikh [The Tale about the Great princes' of Vladimir]. Moscow–Leningrad, 1955. (In Russian).

Zhukov A.E. K voprosu o redaktirovaniy letopisnykh istochnikov v Yellinskom letopistse vtorogo vida [To the question of the edition of the cronicle sources in the Ellinsky chronicle of the second type] // Novgorodskiy istoricheskii sbornik. No 13 (23). Velikiy Novgorod, 2013. (In Russian).

Zaliznyak A.A. «Slovo o polku Igoreve». Vzglyad lingvista [“The word about Igor campaign”: the view of the linguist]. Moscow, 2008. (In Russian).

Zimin A.A. Slovo o polku Igoreve [The word about Igor campaign]. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Klyuchevskiy V.O. Boyarskaya дума Drevney Rusi [The boyars' council of the ancient Russia]. Moscow, 1902. (In Russian).

Krom M.M. Rozhdeniye gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov [The birth of the state: Moscow Rus' in the XV–XVI centuries]. Moscow, 2018. (In Russian).

Kuchkin V.A. Formirovaniye gosudarstvennoy territorii Severo-vostochnoy Rusi X–XIV vv. [The formation of the state territory of the North-East Rus' in the X–XIV centuries] Moscow, 1984. (In Russian).

Lur'ye Ya.S. Letopisets Rogozhskiy [Rogozhskiy chronicle] // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vtoraya polovina XIV–XVI v. Part 2. L–YA. Leningrad, 1989. (In Russian).

Lyubavskiy M.K. Formirovaniye osnovnoy gosudarstvennoy territorii velikoruskoy narodnosti. Zaseleniye tsentra [The formation of the main state territory of the great Russian nation]. Leningrad, 1929. (In Russian).

Meshcherskiy N.A. Drevnerusskaya povest' o vzyatii Tsar'grada fryagami v 1204 godu [The ancient Russian tale about the Tsargrads' conquest in the 1204] // TODRL. Vol. X. Moscow–Leningrad, 1954. (In Russian).

Presnyakov A.E. Obrazovaniye Velikorusskogo gosudarstva [The formation of the Russian state]. Petrograd, 1918. (In Russian).

Prokhorov G.M. Letopisnyye podborki rukopisi GPB F.IV.603 i problema obshcherusskogo svodnogo letopisaniya [The chronicle selections of the manuscript GPB F.IV.603 and the problem of the Russian compilations] // TODRL. Vol. 32. Leningrad, 1977. (In Russian).

Prokhorov G.M., Salmina M.A. Slovo o zhit'i i o prestavlenii velikago knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya Ruskago [The tale about the life and death of the great prince and Russian tsar Dmitriy Ivanovich] // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI v.). Part. 2. L–YA. Leningrad, 1989. (In Russian).

Rusina O. Ukraïna pid tatarami i Litvoyu [The Ukrain under the tatars and Lithuania]. Kiïv, 1998. (In Ukrainian).

Salmina M.A. Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya Rus'skago [The tale about the life and death of the great prince and Russian tsar Dmitriy Ivanovich] // TODRL. Vol. 25. Leningrad, 1970. (In Russian).

Salmina M.A. «Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya Rus'skago», pamyatnik XVI v.? [The tale about the life and death of the great prince and Russian tsar Dmitriy Ivanovich, the monument of the XVI century] // Problemy izucheniya kul'turnogo naslediya. Moscow, 1985. (In Russian).

Sinitsyna N.V. Tretiy Rim: istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv) [The Third Rome: the sources and evolution of the Russian medieval conception]. Moscow, 1998.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Vyp. 13 (Opas"–Otrabotyvatysya) Moscow, 1987. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Vyp. 5 (Ye–Zinutiye). Moscow, 1978. (In Russian).

Soboleva N.A. Imperskaya ideya i rossiyskaya simvolika vlasti (XI–XVI vv.) [The imperial idea and Russian symbols of the power (XI–XVI centuries)] // Rossiyskaya imperiya ot istokov do nachala XIX veka. Ocherki sotsial'no-politicheskoy i ekonomicheskoy istorii. M., 2011. (In Russian).

Solov'yev A.V. Yepifanii Premudryy kak avtor «Slova o zhitii i prestavlenii velikago knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya rus'skago» [Yepifanii the Wise as the author of the Tale about the life and death of the great prince and Russian tsar Dmitriy Ivanovich] // TODRL. Vol. 17. Leningrad, 1961.

Sreznevskiy I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka [The dictionary of the ancient Russian language]. Reprintnoye izdaniye. T. 1. Part. 2: Ye–K. Moscow, 1989. (In Russian).

Sreznevskiy I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka [The dictionary of the ancient Russian language]. Reprintnoye izdaniye. Vol. 2. Patr 1: L–O. Moscow, 1989. (In Russian).

Sreznevskiy I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka [The dictionary of the ancient Russian language]. Reprintnoye izdaniye. Vol. 3. Part. 1: R–S. Moscow, 1989. (In Russian).

Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneyshim spiskam [The Book of the royal degrees in the eldest copies]. T. 2: Stepeni XI–XVII. Prilozheniya. Ukazateli. Moscow, 2008. (In Russian).

Usachev A.S. «Tretiy Rim» ili «Tretiy Kiyev»? (Moskovskoye tsarstvo XVI veka v vospriyatii sovremennikov) [«Third Rome» or «Third Kiev»? The Moscow state of XVI century in the reception of the contemporaries] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No 1. 2012. (In Russian).

Cherepnin L.V. Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh [The formation of the Russian modern state in the XIV–XV centuries]. Moscow, 1960. (In Russian).

Shabul'do F.M. Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo [The lands of the south-west Rus' in the Great Duchy of Lithuania]. Kiyev, 1987. (In Russian).

Shambinago S.K. Povesti o Mamayevom poboishche [The tales about the Mamay's massacre]. St. Petersburg, 1906. (In Russian).

Shakhmatov A.A. [Retsenziya] // Otchet o dvenadtsatom prisuzhdenii imp. Akademiyeyu nauk premiy mitropolita Makariya v 1907 g. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

Shakhmatov A.A. Obozreniye russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv. [The review of the Russian chronicles of XIV–XVI centuries] Moscow–Leningrad, 1938. (In Russian).

Shibayev M.A. Letopisnyye istochniki Yellinskogo letopistsa vtorogo vida [The chronicle sources of the Ellinskiy chronicle of the second type] // *Rukopisnaya kniga Drevney Rusi i slavyanskikh stran: ot kodikologii k tekstologii*. St. Petersburg, 2004. (In Russian).

Entsiklopediya Slova o polku Igoreve [The encyclopedia of the Word about the Igor Campaign]. St. Petersburg, 1995. (In Russian).

Moser Ch. The problem of the Igor Tale // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 7. No 2. 1973. (In English).

Trost K. Karamzin und das Igorlied // *Anzeiger für slavische Philologia*. Bd. 7. 1974. (In English).

About the author

Zhukov Artem E., PhD of History, senior researcher RASL St, Petersburg (Russia).
Research interests: source studies of medieval Russia.

E-mail: artemnovgor@inbox.ru